

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ УНИВЕРСИТЕТА В НАСЛЕДИИ Я.А. КОМЕНСКОГО

Д.А. Литошенко

В настоящее время в науке и общественном сознании утвердилось мнение об ответственности носителей идеологии европейского Просвещения за все те социальные потрясения, которое пережило человечество за два с лишним века, прошедших со времени завершения названной исторической эпохи. Всё это закономерно стимулирует исследовательский интерес к различным аспектам наследия эпохи Просвещения, среди которых опыт переосмысления социокультурной миссии университетского образования занимает далеко не последнее место.

Европейское Просвещение, несмотря на обильную историографию, всё ещё остаётся весьма загадочным явлением. На подобном фоне университетская история этого времени без преувеличения представляется настоящей *terra incognita*. В отечественной историографии университетского образования эпоха Просвещения совершенно несправедливо обойдена вниманием, хотя для понимания путей развития европейского университета данная эпоха предоставляет весьма ценный исторический материал.

Европейское Просвещение провозгласило идеи окончательной эмансипации человеческой личности, исключительного могущества человеческого разума, вооружённого рациональным мышлением и понимания науки в качестве основной движущей силы прогресса человечества. Высший смысл теоретических поисков и практической деятельности европейских Просветителей заключался в подготовке общества к воплощению в жизнь реальной альтернативы феодально-теократической перспективе развития. Просветители декларировали осуществление глубинной трансформации общества и человека, необходимых для окончательного перехода к буржуазной цивилизации и реализации идей гражданского общества. Принимая во внимание сказанное, закономерным представляется интерес к состоянию университетского образования в Европе в эпоху Просвещения, тем более что в университетской историографии этот период истории характеризуется как «пустой».

Противопоставить подобному пониманию можно только развернутую реконструкцию развития университетского образования в Европе этого времени, выполненную на основе всестороннего изучения комплекса источников отложившихся в середине XVII – конце XVIII вв. Ключевое значение для понимания содержания этого периода европейской университетской истории имеет анализ наследия Просветителей.

В связи с этим особый интерес представляют ранние этапы европейского Просвещения, территориально связанные с полу периферийными областями соответствующего социокультурного ареала. Наиболее перспективным представляется изучение системы взглядов на университетское образование, содержащихся в многочисленных сочинениях «нетипичного» представителя европейского Просвещения чешского происхождения – Яна Амоса Коменского.

Яна Амоса Коменского (1592-1670) традиционно принято считать основоположником современной теории образования, базовые положения которой нашли отражение в существующей в настоящее время профильной цивилизационной субсистеме, иными словами - системе образования, понимаемой как упорядоченная совокупность формальных институтов, посредничеств и агентов, осуществляющих образовательную деятельность. Исходя из этого в Коменском видят "виновника" всех тех негативных явлений, которые возникают в процессе функционирования современной системы образования, хотя, они, в действительности есть лишь частные проявления общего кризиса мировой цивилизации в настоящее время.

Передовая для своего времени модель своеобразного учебного округа, или проект единой национальной школы, была изложена Яном Коменским в "Великой дидактике". Сконструированную автором национальную систему школьного образования венчает - Академия или Университет. Таково традиционное видение взгляда Коменского на университетское образование, по крайней мере в той его части, которая нашла отражение в "Великой дидактике". Однако более внимательное прочтение "Великой дидактики" позволяет говорить о том, что у Коменского университетское образование, по большому счету, разорвано между двумя уровнями модели единой школьной системы. Речь идет о том, что к организациям университетского образования должна быть отнесена Гимназия.

Если на артистическом факультете в основе обучения лежали известные еще с античности семь "свободных искусств" (грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия и музыка), а с середины XIII в., когда к либе-

ральному курсу были добавлены три философии: натуральная, моральная и метафизическая¹, - диалектика как дисциплина преподавания трансформировалась в логику и все чаще стала фигурировать под этим наименованием, в Гимназии (по Коменскому) изучались: грамматика, диалектика (логика), риторика, арифметика, геометрия, музыка, астрономия, физика, география, история, мораль, богословие². Первое, что бросается в глаза в ходе подобного сопоставления, это то, что первые семь дисциплин программы Гимназии абсолютно совпадают с семью "свободными искусствами". Наличие же других дисциплин в программе Гимназии может быть объяснено рядом причин. Во-первых, к концу тридцатых годов XVII века, то есть ко времени создания Я.А. Коменским "Великой дидактики", произошли значительные изменения в европейской цивилизации, что привело к трансформации ее системы научных знаний, которые невозможно было вместить в "прокрустово ложе" дисциплинарной парадигмы средневекового университетского образования, что, по видимому, и послужило причиной появления в программе Гимназии дополнительных дисциплин.

Таким образом, напрашивается вывод о том, что Я. А. Коменскому удалось, с одной стороны, значительно расширить программу преподавания в Гимназии, выступавшей в качестве артистического факультета университета, и преодолеть острое несоответствие между программой университетского образования и уровнем развития научных знаний и жизни общества, так как современность предъявляла к университетскому образованию такие требования, на которые оно не всегда могло дать достойный ответ.

Новым компонентом в организации начального этапа университетского образования по Коменскому, то есть в рамках Гимназии, было деление учебного процесса на ряд последовательных классов. В очерке латинской школы - гимназии, содержащемся в "Великой дидактике", речь идет о шести таких классах: Грамматическом, Физическом, Математическом, Моральном, Диалектическом и Риторическом³. В более позднем произведении Коменского, посвященном проекту Пансофической школы, подобных классов уже семь: вестибулярный или "преддверный" (подготовительный), януальный или вступительный, атриальный или "зальный", философский, логический, политический, богословский или теософический⁴.

Цель обучения в Пансофической школе - Гимназии сформулирована Коменским следующим образом: «все... в пансофической школе должно быть изучаемо, делаемо, соблюдаемо в совершенстве, то есть с такой легкостью и обеспеченностью успеха, чтобы наподобие механических мастерских ничего в ней не делалось насильст-

венно, но все происходило естественным путем и чтобы впоследствии каждый ученик становился магистром»⁵.

Таким образом, юношество могло пройти курс артистического факультета в Гимназии - Пансофической школе в своем родном или ближайшем городе и в заключении его, при благоприятном стечении обстоятельств, стать магистром искусств, а позднее, в зрелом возрасте продолжить образование либо путем самообразования в рамках "тьюторской системы", оставшись при ректоре Пансофической школы, либо в Академии как в своей стране, так и за ее пределами. Все это делает весьма актуальным обращение к "венцу" модели национальной системы образования, сконструированной Яном Амосом Коменским - Академии.

Яном Амосом Коменским была предложена своеобразная программа Академии, содержащая три пункта. Первый пункт программы посвящен содержанию образования, которое, по мысли автора, должно включать в себя "все исчерпывающие занятия", охватывающие совокупность наук и человеческой мудрости. В данном пункте Коменский формулирует требование универсальности, всеохватности академического образования, которое является базовым для университетского образования как такового.

Второй пункт программы касается методической базы образования в Академии. Коменский рекомендует, чтобы в Академии употреблялись "наиболее легкие и верные методы, чтобы дать всем, кто сюда, приходит, основательную, ученость"⁶. Рассматриваемый пункт позволяет судить о видении автором методической стороны обучения в Академии, о котором можно сказать, что оно должно было быть не очень обременительным как для учащихся, так и для преподавателей, а главное, должно в обязательном порядке гарантировать получение желаемого результата, то есть учености, выраженной в докторской или магистерской степени⁷.

Третий пункт, в некотором смысле вытекающий из предыдущего, посвящен вопросам социальной мобильности выпускников Академии, которые представляются как люди весьма достойные, и рекомендуются в качестве кандидатов в вершители судеб человечества. Высказанная здесь мысль, кажущаяся при первом приближении совершенно безобидной, подвергаясь более глубокому анализу, способна приобрести совершенно неоднозначное звучание. Речь идет о формировании особого страта высокообразованных специалистов (аналога платоновских философов), претендующего на исключительную роль в управлении всеми сферами общества.

Далее Коменский останавливается на рассмотрении двух оснований уни-

версальности академического образования. В частности, он обращает внимание на формирование контингента "ученых и знающих профессоров всех наук, искусств, предметов, языков", на которых будет возложена обязанность обеспечить универсальность образования в Академии. Вторым основанием универсальности выступает "избранная библиотека различных авторов", из которой учащие и учащиеся могут с легкостью, черпать материалы, необходимые в процессе обучения, и разнообразные сведения, способствующие приращению их знаний. И здесь, в очередной раз, Коменский мыслит в средневековом ключе, беря за норму традицию сложившуюся еще в античности, но в наиболее полной мере раскрывшуюся в средневековье.

Проследив ход мысли Коменского, можно со всей определенностью говорить о том, что, с одной стороны, он подходит к моделированию учебного процесса в Университете-Академии с гуманистических позиций и выступает с умеренной критикой технократических тенденций в ней, с другой, он приклоняется перед механистической картиной высокообразованного человеческого сообщества, в этом качестве выступая как носитель технократического сознания. Таким образом, Я. А. Коменский действует в рамках внутрицеховой, корпоративной самокритики и не допускает выхода за ее пределы.

Здесь же стоит обратиться к характеристике социального, профессионально-корпоративного пространства интеллектуалов-университетчиков. Пространство это описывается Коменским в виде особой улицы ученых, со своими воротами и стражей⁸. В процессе дальнейшего знакомства оказывается, что улица эта представляет собой сложноорганизованное пространство, состоящее из множества площадей, помещений, аудиторий, залов, переулков и переходов⁹. Принимая во внимание все это, можно с уверенностью говорить о том, что автор разворачивает перед читателем описание традиционной университетской ниши в пространстве европейского города - латинского квартала.

Если структура сочинения Я.А. Коменского "Лабиринт света и рай сердца" не случайна, а она, судя по всему, таковой и не является, то появляется возможность подкрепить предположение Ж. Саду о роли и значении алхимии в европейском университетском образовании средневековья и раннего нового времени¹⁰. Есть все основания считать, что алхимия в Университете-Академии выступает в качестве, столь характерной для любой средневековой профессиональной суб-культуры, магии. Иными словами, алхимия заняла здесь нишу профессионального магического комплекса. Надо при-

знать, что появление алхимии в качестве профессиональной магии интеллектуалов-университетчиков, или, если хотите, свойственной им системы тайного знания, есть признак глубочайшего кризиса университетского образования, всей его организации. Значение данного признака может быть выражено как "омега" европейской системы университетского образования в средневековье и на заре нового времени, так как возникновение этого явления противоречит одной из фундаментальных основ системы, а именно, направленности на очищение совокупности позитивного знания от профессионально-магических примесей, что равноценно невыполнению одной из главнейших задач, стоящих перед всей системой. В рамках просвещенческих устремлений Коменского, алхимический компонент содержания университетского образования, следует связывать с действием компенсаторного механизма, призванного уравнивать излишества рационализации мировосприятия и подходов к социокультурному преобразованию. Таким образом, на вопрос о присутствии алхимии в системе европейского университетского образования рассматриваемого периода можно дать, с достаточной степенью уверенности, определенно положительный ответ и, более того, конкретизировать его, указав, на то, что сам факт ее существования внутри системы позволяет говорить о неполной эффективности системы в плане решения наиболее фундаментальных задач, поставленных перед ней.

Естественно, Я.А. Коменский не мог остаться в стороне от осмысления процесса проведения итоговых испытаний. Но предварительно необходимо отметить, что в финале курса обучения в Академии подразумевалось присвоение двух ученых степеней: магистерской и докторской. Итак, автором предлагалась такая схема проведения итогового испытания, согласно которой кандидаты по одиночке или все вместе должны были предстать перед компетентным собранием, состоящим из наиболее достойных ученых мужей, владеющих как теоретическими знаниями, так и практическими навыками, и доказавших на деле свое право быть членом этого собрания. Кандидатам в ходе испытания должны задаваться разнообразные вопросы по теории и практике согласно их научным специальностям, особое внимание необходимо было обратить на знание соответствующего свода текстов и жизненных нюансов тех или иных конкретных профессиональных практик¹¹. Надо сказать, тем самым преодолевался разрыв между рафинированной средневековой наукой и жизненной практикой. Все это, по мнению Коменского, должно было стимулировать приложение "всевозможного старания в занятиях" со стороны студентов, которые

будут знать, что им предстоит выдержать такое серьезное и такое строгое публичное испытание¹².

Разумеется, в первую очередь Академия выступает в качестве высшего учебного заведения - организации образовательной деятельности высшего порядка, совмещающей учебную деятельность с научной, что позволяет, при определенных допущениях, трактовать ее статус как университетский. Названная организация, действуя в рамках замкнутой национальной системы образования, выступает в несколько иной роли, в свою очередь, обусловленной упоминавшимся фундаментальным принципом. Речь идет о том, что Академия видится Коменским как "школа школ" или "дидактическая коллегия", которая "вполне могла бы быть для остальных школ тем, чем желудок - для членов тела, а именно - мастерской жизни, лабораторией, которая бы всем доставляла питательный сок, жизнь и силу"¹³. Эта всеобщая коллегия, по мысли Я.А. Коменского, должна быть внетерриториальным союзом ученых и просветителей, который, невзирая на разделяющие расстояния, призван объединять их усилия, направленные на все большее раскрытие основ наук, очищение света мудрости и распространение его с наилучшим успехом среди человеческого рода, чтобы новыми, чрезвычайно полезными изобретениями улучшить положение людей¹⁴. Сюда же тесным образом примыкает еще одна функция-ипостась Университета-Академии, а именно, функция социальной организации по профессиональному признаку - профессиональной корпорации, цеха университетчиков.

Нельзя не признать, что концептуальные взгляды Я.А. Коменского претерпели определенную эволюцию, которая осуществлялась во временном промежутке, равном в общей сложности четверти или трети века. Ход этой эволюции представляется весьма закономерным и символичным. В наиболее раннем из рассмотренных произведений "Лабиринте света и рае сердца" (1623) Коменский, по большей части, лишь в аллегорической форме подвергает критике многие стороны университетского образования. И критикует он именно традиционные, средневековые черты системы университетского образования, выступая здесь в роли типичного ренессансного гуманиста-ниспровергателя, борца с "призраком темного средневековья". Далее, в "Великой дидактике" (1638) он разрабатывает модель национальной системы образования, завершающуюся Академией. В этом проекте, хотя и в гибкой форме, но все-таки получают развитие технократические тенденции, уже заявленные в более раннем сочинении. Позднее, в "Пансофической школе, то есть школе всеобщей мудрости", "О развитии природных дарований" и "Воскресшем Форции, или об изгнании из школ косности" (1650-1652) Коменский, опять же, в гумани-

стическо-технократическом ключе разрабатывает теоретические основы начального университетского образования в рамках Гимназии-Пансофической школы, и как следствие, двухуровневости системы университетского образования.

В концепции университетского образования Я.А. Коменский выступает в романтической роли "последнего человека Средневековья", "эпигона возрожденческого гуманизма" и протагониста Просвещения, заложившего, в конечном итоге идеологический фундамент технократизма современной западной цивилизации. Университет в его понимании еще далек от образца государственного предприятия по обработке умов, он представляется как "рабочая мастерская" национально-религиозной общины¹⁵.

В заключение хотелось бы высказать мысль о том, что Я.А. Коменскому выпала доля одновременно быть представителем и позднего гуманизма и раннего просвещенческого рационализма, который в критике средневекового наследия выступал как гуманист, а, создавая собственные проекты и модели, раскрывался как «протагонист» Просвещения. Можно вести бесконечные споры о роли и значении просвещенческой концепции университета Коменского для развития европейской мысли и образования. Однако есть уверенность в том, что и нашей кризисной эпохе необходим свой Коменский.

¹ Лефф Г. Средневековый университет: факультет свободных искусств. Тривиум и три философии (Реферат). // *Alma mater*. - 1997. - N 9. - С. 34.

² Коменский Я.А. Великая дидактика. // *Избранные педагогические сочинения*: В 2-х т. - Т. 1. - М.: Педагогика, 1982., - С. 454-455.

³ Там же. - С. 455.

⁴ Коменский Я.А. Пансофическая школа, то есть школа всеобщей мудрости. // *Избранные педагогические сочинения*: В 2-х т. - Т. 2. - М.: Педагогика, 1982., - С. 56-57; 73-88.

⁵ Там же. - С. 46-47.

⁶ Коменский Я.А. Великая дидактика. // *Избранные педагогические сочинения*: В 2-х т. - Т. 1. - М.: Педагогика, 1982., - С. 460.

⁷ Там же. - С. 462.

⁸ Коменский Я.А. Лабиринт света и рай сердца. // *Сочинения*. Пер с чешск. и лат. - М.: Наука, 1997., - С. 39.

⁹ Там же. - С. 40-56.

¹⁰ Саду Ж. Алхимики и Золото / Пер с англ. - К.: "София", Ltd, 1995., - С. 62.

¹¹ Коменский Я.А. Великая дидактика. // *Избранные педагогические сочинения*: В 2-х т. - Т. 1. - М.: Педагогика, 1982., - С. 463.

¹² Там же.

¹³ Там же. - С. 464.

¹⁴ Там же. - С. 463.

¹⁵ Коменский Я.А. Воскресший Форций, или об изгнании из школ косности. // Я.А. Коменский. - М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 1996., - С. 140-141.